

Наталия
Полянская

ПЕЙЗАЖ, НАРИСОВАННЫЙ ЛАПКОЙ

ЛЮБОВЬ и КОТИКИ

Любовь и котики. Теплые истории Наталии Полянской

Наталия Полянская

Пейзаж, нарисованный лапкой

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полянская Н.

Пейзаж, нарисованный лапкой / Н. Полянская — «Эксмо»,
2026 — (Любовь и котики. Теплые истории Наталии Полянской)

ISBN 978-5-04-256398-0

Романтическая история о любви, предательстве и новом начале на фоне старинного особняка, картин и тридцати котов. Тёплые, вдохновляющие истории про котиков — здесь их целых тридцать, и каждый по-своему обаятелен! Десять лет любви обернулись предательством: Даша Касьянова узнаёт, что человек, которому она доверяла больше всего на свете, использовал её талант реставратора, чтобы обкрадывать музеи. Спасаясь от разоблачения, она бежит в провинциальный русский город Волжанск — с его старинными особняками, тихими улочками и особой атмосферой прошлого — восстанавливать пейзажи в доме, который местные жители завещали городу вместе с тридцатью котами. Детектив о подделке картин, живые отсылки к «Мастеру и Маргарите», колорит провинциальной России и целая армия обаятельных пушистых героев — атмосферный роман о том, как научиться доверять снова после того, как тебя предали. 5 причин прочесть: 1. История о том, как найти в себе силы начать жизнь с нуля после предательства человека, которому верила больше всего на свете. 2. Детективная линия о подделке картин, обогащенная живыми отсылками к «Мастеру и Маргарите». 3. Более тридцати колоритных котов, ставших полноправными героями романа — для всех, кто обожает истории с животными. 4. Атмосфера провинциального русского города Волжанска — со старинными особняками и неповторимым духом российской глубинки. Похоже на: - «Кот, который...» Лилиан Джексон Браун — по духу детектива с котами - «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова — по прямым отсылкам и атмосфере в тексте - Романы Виктории Хислоп («Остров», «Возвращение») — за атмосферу тайны прошлого и путешествия героини к себе

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-256398-0

© Полянская Н., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Наталия Полянская

Пейзаж, нарисованный лапкой

© Полянская Н., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1

Приятно слышать, что вы так вежливо обращаетесь с котом. Котам обычно почему-то говорят «ты», хотя ни один кот никогда ни с кем не пил брудершафта¹.

Кот был несурезен.

Он сидел на первой ступеньке лестницы – худой, клочкастый, с вытаращенными глазами, живо напомнивший Даше правого кота с натюрморта Гогена². Когда она подошла поближе, стало ясно, что зверь бело-рыжий, словно поржавевший местами. Впрочем, для того, чтобы понять его истинную расцветку, его хорошо было бы отмыть.

Из-за лестницы выскользнула длинная, как байдарка, серая кошка, уверенно пробежала по вестибюлю и сгнула в тенях.

– Настоящая напасть, – пожаловалась Маргарита Петровна, гремя ключами; Даша немедленно вспомнила: «Ключница водку делала?!» – Уж и гоняли их, и ловили, а все равно лезут и лезут! Дом-то старый, дыр полно, несмотря на реставрацию. Хоть мышей ловят, крыс. Иногда приходишь утром, а на полу рядом лежат крысуюков пять – поймали да продемонстрировали!

– Они едят крыс? – полюбопытствовала Даша.

– Кто б им дал? Может, и едят втихаря, но так-то мы котов подкармливаем, жалко...

«И еще удивляетесь, что кошки в особняке чувствуют себя как дома!» – хотела сказать Даша, но прикусила язык. Не ее это дело. Ее дело – картины.

– Вы вот тут присядьте. – Маргарита Петровна указала на кресло, робко прятавшееся в углу. Даша навскидку оценила: примерно начало девятнадцатого века, скорее всего, Россия, красное дерево и кожа. Заклепки потускнели, кожа немного потрескалась, но в целом состояние удовлетворительное. – Михаил Юрьевич и Владимир Егорович скоро придут, тогда они вам все и покажут.

– А можно я пока тут осмотрюсь?

Маргарита Петровна пожала плечами.

– Осматривайтесь. Только из вестибюля никуда не уходите. Не имею права без дозволения вас дальше пускать.

– Я буду хорошо себя вести, – заверила ее Даша. Смотрительница особняка смирив ее подозрительным взглядом – узкие джинсы, ботиночки на высоком каблуке, ни дать ни взять столичная штучка! – и кивнула.

– Сделаю чаю. Как все посмотрите, приходите пить, начальники знают где.

Она зашаркала прочь; Даша проводила ее взглядом. Как живут такие люди? Сколько этой Маргарите Петровне вообще лет? Сидоренко обмолвился, что она досталась городу вместе с особняком на площади Декабристов. Нестарая вроде тетка, по лицу так точно, а одета в длинную юбку монашеского вида, невнятную какую-то блузку и жилетку из убиенного чебурашки. Даша навскидку могла бы придумать несколько способов, как вписать подобную мохнатость в модный лук, однако Маргарита Петровна Осина выглядела так, будто в этой жилетке родилась и в ней же и помрет, лишь бы ничего не менялось.

Даша поежилась. Чемодан она оставила в гостинице, благо та недалеко – только перейти площадь, – и оделась довольно легко, а сейчас вот понимала, что прогадала. До особняка добежала быстро, хотя задувающий с Волги февральский ветер скреб поземкой по исторической

¹ Здесь и далее в эпиграфах – цитаты из романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита».

² Имеется в виду натюрморт «Цветы и кошки», написанный Полем Гогеном в 1899 году. Две кошки сидят по бокам большой вазы с яркими цветами.

брусчатке и норовил забраться под кожаную куртку. Даша думала, что в особняке Росса тепло, и теперь с досадой понимала, как наивна была. Да, тут поддерживалась определенная температура – Даша уже заметила кондиционер и увлажнитель воздуха, – однако она не учла, что помещения долгое время простояли пустыми. Здесь никто не живет, кроме Осиной.

Вот тоже странность!..

Впрочем, это не Дашино дело.

Обхватив себя руками, она подошла к окну. Пейзаж не изменился: февральский день, сумрачно-промоглый, переползал в вечер; неохотно зажглись фонари, их свет желто-оранжевыми кругами лег на плотные и не думающие таять сугробы. Вокруг крохотного сквера, посреди которого стоял, склонив голову, неопознаваемый человек-памятник, фонари сгруппировались особенно плотно, будто хотели согреться. За ними проглядывала светящаяся вывеска гостиницы «Берег», где поселили Дашу, а рядом мигали буквы трактира «Ладья», написанные тем самым шрифтом, что и название ресторана «Плачущая ива» в фильме «Бриллиантовая рука».

– «Одним толчком согнать ладью живую с наглаженных отливами песков»³... – пробормотала Даша и, услышав шорох, обернулась.

Ржавый кот со ступенек исчез – кто бы сомневался, совершенно бесшумно! – зато появился другой. Большой (сразу видно, мужик!), с белой мордой и лапами и светло-серой, будто серебряной, спинкой. Серебро расчерчивали черные тигриные полосы. Красавец!

– Привет, – Даша присела на корточки и протянула руку. – Ты тут главный? Покажешь мне все?

Кот подошел, недоверчиво принялся; видно было, как двигаются роскошные усы, как подрагивают серые уши. Решив, видимо, что Даша не представляет опасности, котофей уселся на обширный зад и принялся вылизываться. Был он чистый, ухоженный и разительно отличался от встреченных Дашей ранее экземпляров.

Даша осторожно прикоснулась к спине кота, медленно провела по ней рукой. «Из тебя бы кисточки делать – не уступили бы беличьим!» Кот вылизывался, игнорируя тот факт, что его наглаживают, и это показалось добрым знаком.

Она встала, медленно прошла по вестибюлю, подмечая детали. Мебель в основном российская, разве что дубовый стол в стиле ренессанс, скорее всего, голландский. Впрочем, тут Даша ручаться бы не стала, она специалист в другой области, хотя антикварную мебель всегда любила. И часы! Это уже двадцатый век и, пожалуй, Европа. Бельгия? Возможно. Остановившись, Даша коснулась часового корпуса. Ореховое дерево, медный циферблат с нежной, как крылышки стрекозы, чеканкой... Им лет сто, не меньше. Что они повидали на своем веку? Сколько людей прошло перед ними? Даше иногда казалось: вещи оставляют на себе отпечаток тех, кто жил рядом, и это нестираемо.

В ногу что-то ткнулось. Опустив взгляд, Даша увидела кота: он стоял, прислонившись к ней мохнатым боком, и, кажется, думал.

– А вы тут, я смотрю, порядок соблюдаете, – сказала Даша. – Мебель не дерете, о часы когти не точите. Воспитанные котики, да?

Входная дверь открылась, и Даша с котом обернулись.

– Дарья, вы уже тут, – констатировал очевидный факт Сидоренко, топая на прорезиненном коврике, отчаянно выбивавшемся из общего стиля. Что поделать, зима, тащить грязь в залы не стоит. – Отлично. А где Маргарита Петровна?

– Готовит чай. Сказала, чтобы мы потом приходили его пить.

– А, хорошо... Давайте вас познакомлю. Михаил, это Дарья Касьянова, наш реставратор. Дарья, Михаил Юрьевич – наш меценат, я вам о нем рассказывал.

³ Стихотворение Афанасия Фета, 1887 г.

Если быть точной, когда велись переговоры, Сидоренко заявил следующее: «Терентьев – мужик дельный, средств на реставрацию не жалеет. В разумных пределах, конечно, но... Для нас это и так подарок. Вы должны быть с ним любезны». До сего дня к меценатским телам младшего реставратора Дарью допускали редко, а потому следовало послушать старших. Тем более когда оклад не настолько плох, как мог бы быть. Даша улыбнулась и протянула руку:

– Здравствуйте, Михаил Юрьевич. Приятно познакомиться.

– Можно просто по имени. – Он крепко пожал Дашину ладошку. – Замерзли тут?

– Нет, у меня всегда руки холодные...

– А сердце горячее? – усмехнулся Терентьев.

Даша окинула его профессиональным взглядом и решила, что меценат ей, пожалуй, нравится.

Он словно шагнул сюда с венской улицы: элегантное черное пальто, небрежно повязанный темно-синий шарф, перчатки, шляпа. Лицо молодое – вряд ли ему больше сорока! – несущее на себе почти неуловимый отпечаток авантюризма. В полутьме было не разглядеть, какие у Терентьева глаза, но Даше показалось – серые. А еще он сразу наклонился и погладил подбешавшего к нему, неизвестно откуда возникшего черного кота, и это словно вешало на мецената ярлык «хороший человек». Не может быть плохим тот, кто любит котиков! «Вспомни дона Корлеоне», – ехидно подсказал внутренний голос, и Даша отмахнулась от него.

– А вместо сердца у меня пламенный мотор, – улыбнулась она.

– Это хорошо, потому что тут у нас прохладно. – Сидоренко потер ладони. – Климат-контроль шалит, хотя, казалось бы, новая система. Дом старый и, признаться, содержался в нормальном состоянии только местами. Ну, мы навели порядок, осталось разобраться с... – Он оборвал сам себя: – Впрочем, вам это неинтересно, Дарья.

– Отчего же...

– Давайте лучше займемся вашей вотчиной. Прошу.

Из вестибюля они прошли в просторный зал, тонуший в полутьме. Сидоренко щелкнул выключателем, и медленно, словно нехотя, зажглись многорожковые люстры. Лимонные блики легли на дубовый паркет. Даша огляделась: мебели немного, высокие окна закрыты портьерами винного оттенка, в простенках висят картины. Около ноги возникло движение, и, опустив глаза, Даша увидела давешнего серо-белого кота с тигровой спинкой.

– Вижу, вы понравились Сильверу, – заметил Терентьев.

Сидоренко поморщился.

– Михаил Юрьевич, вы обещали решить вопрос с кошками.

– Обещал и не решил пока.

– Откуда их здесь столько? – поинтересовалась Даша.

– Исторически так сложилось. – Видно было, что Владимир Егорович данным фактом очень недоволен. – По нашим оценкам, их тут сейчас обитает больше тридцати, и поверьте, это настоящая напасть.

– Мебель дерут?

– Как ни странно, нет. Но шерсть, антисанитария... Мы не сможем открыться, если не выселим котов. Впрочем, это не ваши проблемы. – Он обвел рукой зал. – Тут обычно Заболоцкие давали балы. Позже, при советской власти, пионеры клеили модели. Ну а Росс постарался вернуть особняку исторический вид, и вот, извольте видеть...

Даша изволила (надо же, как выражаются в провинции!). Паркет, люстры и стайка бидермайеровских стульев – это хорошо, однако ее в первую очередь интересовали картины.

Она подошла к ближайшему полотну, подняла голову, рассматривая. Даше прислали несколько фотографий перед тем, как был подписан контракт, но этой картины там не было. Полотно небольшое, полметра на метр, состояние более чем удовлетворительное. Мелкие сколы на раме, но это ерунда. Сюжет незамысловат: Волга ранним утром, купы деревьев у воды,

солнце пронизывает их поредевшие кроны неяркими лучами. Смесь коричневого, синего, оранжевого. Художник писал мелкими мазками: не импрессионизм, а намек на оный. Впрочем, вряд ли сельский живописец разбирался в мировых течениях...

– Как вам? – Терентьев остановился рядом с Дашей, и она обнаружила, что ниже его почти на полголовы.

– Хорошая техника, – она встала на цыпочки, чтобы разглядеть подробности, – хорошая композиция. И состояние неплохое. Я удивлена, обычно коллекции подобного рода содержатся не в лучших условиях, и потому восстанавливать приходится много и кропотливо.

– Со многими работали?

– Достаточно. Я еще в Строгановской академии начала практиковать, у меня был... – Даша запнулась на секунду, – отличный наставник. Специализируюсь на пейзажах, написанных маслом.

– Да, мне говорили. Именно поэтому вы здесь. Владимир Егорович вас рекомендовал как идеально подходящего нам профессионала. Я-то сам не очень хорошо разбираюсь в классической живописи. Предпочитаю другой стиль.

Даша промолчала. Рекомендации Сидоренко основаны на ее хорошем резюме и на том, что, уйдя в свободное плавание, она намеренно занизила свою цену как специалиста. При общении с Владимиром Егоровичем Даша отметила его страсть к экономии. Она – молодой дешевый реставратор, можно нанять, если работа несложная. Сделает качественно, запросит немного.

– Постараюсь вас не разочаровать, – произнесла Даша наконец.

Глава 2

Пелагея Антоновна внесла дымящуюся кастрюлю, при одном взгляде на которую сразу можно было догадаться, что в ней, в гуще огненного борща, находится то, чего вкуснее нет в мире, – мозговая кость.

Для работы ей выделили соседний зал – и это было очень удобно, потому что реставрационной мастерской в Волжанске не имелось.

«Впрочем, – думала Даша, рассматривая картины, уже принесенные сюда и составленные у стен, – Сидоренко не обманул: состояние хорошее». И зал ей понравился. Тут вентиляция работала прекрасно, окон было всего два, и сейчас их закрывали шторы блэкаут, чтобы прямые солнечные лучи не падали на картины. Владимир Егорович подвез и установил все необходимое оборудование: столы, осветительные приборы, увеличительные стекла, даже микроскоп обнаружился, причем новенький. Наборы кистей, тюбики клея, скальпели, папиросная бумага...

– Все согласно вашему списку, – произнес Терентьев. – Если что-то понадобится дополнительно, дайте мне знать, купим. Мне хотелось бы, чтобы работа была сделана как можно скорее. Это возможно?

Даша прошлась по мастерской. Предварительную оценку Владимир Егорович ей прислал, однако он довольно занятой проектный менеджер по реставрации и мог не углядеть нюансы.

– В списке тридцать восемь полотен. – Даша остановилась напротив холста, водруженного на подрамник: снова Волга, только весной. Ракурс другой, и картина светлая, радостная, будто зефиром написанная. – По предварительной оценке, состояние большинства удовлетворительное, требуется только легкая поверхностная очистка. Дальше мне нужно посмотреть самой. Вас устроит, если я дам ответ завтра к вечеру?

Терентьев кивнул.

– Более чем.

– Маргарита Петровна вам покажет, где висят те полотна, которые не успели принести сюда. – Сидоренко шмыгнул носом и закашлялся. Нужно держаться от него подальше, не хватало еще вирус подхватить! – Возможно, с ними вы поработаете прямо в экспозиционных залах.

– Возможно.

– У вас есть вопросы, Дарья? – поинтересовался Терентьев.

– Если будут, то завтра. Хотя один есть, – спохватилась она. – Можно ли осмотреть весь особняк? И хорошо бы понять, где именно будут находиться определенные полотна после реставрации. Вы ведь хотите открыть здесь музей, не так ли?

– Музей, залы для мероприятий, даже над кафе думаем, – кивнул Михаил. – Если мы тут закончили, то давайте пойдем на чай к Маргарите Петровне. Она, небось, заждалась.

Погасив свет и заперев дверь, чтобы в мастерскую не просочились вездесущие кошки, чинно двинулись на чаепитие. Даша ощущала себя так, будто провалилась в прореху во времени. Вот сейчас из-за угла выйдет рассеянный Пушкин – или кто тут, в Волжанске, стихи писал?... – с испачканными чернилами пальцами и растрепанными листами бумаги под мышкой, посмотрит на всех рассеянным взглядом и убредет наверх, что-то бормоча. Или соткется из воздуха, как мираж, юная девушка в белом платье Наташи Ростовской, протянет руки невидимому кавалеру, улыбнется застенчиво, сделает первый шаг... Сидоренко щелкнул выключателем, погрузив бальный зал во тьму, и призраки развеялись.

Прошли коридором, который начинался за лестницей, и свернули направо. В конце виднелась гостеприимно распахнутая дверь; из-за нее лился вкусный золотистый свет и доносились такие запахи, что Даша невольно сглотнула. Она завтракала рано утром в поезде, съела один подсохший бутерброд с колбасой и выпила два стакана сладкого чая. Перекусить сейчас было бы идеально.

Комната выглядела как помещичья столовая: темный пузатый буфет, стол, накрытый кружевной скатертью, расставленный фарфоровый сервиз – лепота, да и только. В качестве украшения интерьера прилагались коты, штук восемь. Сидели, лежали, бродили, на стол, что примечательно, не лезли. Даша заприметила своего бело-серого знакомя – как там меценат его назвал, Сильвер?.. – и улыбнулась.

Маргарита Петровна расставляла по столу блюда. Супница, пирожки горкой и, боги всемогущие, самовар с баранками! Даше немедленно вспомнилась кустодиевская «Купчиха за чаем» – там, помнится, тоже ярко на столе, а еще трется о плечо купчихи белый с рыжим кот, абсолютно довольный жизнью.

В этой комнате было теплее, и Даша, сняв куртку, повесила ее на спинку стула. Мужчины тоже освободились от пальто, шляпу Терентьев водрузил на оленьи рога, прибитые к стене.

– Михаил Юрьевич! – угрюмое лицо Маргариты Петровны сделалось вдруг добрым и заискивающе-ласковым. – Садитесь вот сюда, пожалуйста, сейчас супом вас накормлю!

– Вы нас балуете, Маргарита Петровна!

– Как же не побаловать, как же!..

Даша, все больше ощущавшая себя персонажем костюмированной вечеринки, на которую по недоразумению явилась в современном наряде, села к столу. На колени тут же полез Сильвер, и Даша чуть отодвинулась, давая ему место. Увесистая тушка! Интересно, блохаст ли?

– Надо же, как он вас отмечает, – сказал Терентьев, оказавшийся напротив. – Сильвер – предводитель местной кошачьей банды и, я думаю, хорошо разбирается в людях. Вы ему понравились.

– Он мне тоже. – Даша почесала кота за ушами, а тот вытянул шею. – Ласковый. Они тут все такие?

– По большей части, да. Есть несколько диких, они к вам не подойдут.

– Как только ловить будем? – недовольно заметил Сидоренко. Маргарита Петровна, разливавшая суп, зыркнула на Владимира Егоровича и отвернулась.

– Может, и не придется. – Терентьев побарабанил пальцами по столу. – Я на днях встречаюсь с мэром, подумаем, вдруг удастся оформить все это как часть культурного наследия. В конце концов, кошки тут всегда жили, я не представляю особняк без них.

– Михаил Юрьевич, ну антисанитария же!..

– Они действительно тут с девятнадцатого века? – любопытствовала Даша. – Или это легенда?

– Никакой легенды, все задокументировано. Видите ли, Заболоцкие, которым этот особняк принадлежал изначально и которые его построили... спасибо, Маргарита Петровна... были большими любителями животных. У них даже зверинец на заднем дворе имелся! Потом утратился, а коты вот остались. В разное время их было то больше, то меньше. Даже при советской власти не выгнали, пожалели, что ли? А Росс, светлая ему память, еще и новых завел. Ему котов со всего города несли, приют-то переполнен. Да и собаки там в основном...

Перед Дашей возникла тарелка огненного борща. В ярко-красном супе плавали золотые блинчики жира, и запах поднимался такой, что хотелось уже сейчас попросить добавки. Даша сглотнула. Она давно не чувствовала себя такой голодной. В минувшие недели у нее категорически не было аппетита, и лишь в последние пару дней он стал робко, как ландыш, проклевываться сквозь сковавший Дашу лед. Маргарита Петровна, эта ведьма (никакой волшебный

крем Азazelло ей не нужен!), заметив выражение Дашиного лица, пододвинула поближе корзину с крупно нарезанным, ноздреватым, как мартовский сугроб, домашним хлебом.

Даша пропала.

Она ссадила на пол возмущенно мяукнувшего кота, взяла мельхиоровую ложку, зачерпнула борщ и проглотила, зажмурившись. Внутри стало ярко и жарко, и, почти не глядя, Даша потянулась за хлебом. «Ты будто из голодного края!» – недовольно произнес внутренний голос с мамиными интонациями; Даша, вспомнив, что обедает в обществе работодателей, приняла чинно-смирненный вид. Ложкой при этом работать не перестала.

Впрочем, работодатели тоже не отставали. Владимир Егорович ел, постанывал и нахваливал, Терентьев обедал молча, но борщ поглощал с явным удовольствием. Маргарита Петровна пристроилась с краю, но сама не ела, глядя на обедающих с умилением доброй нянюшки. Сейчас, в свете витражной лампы, заливавшей ярким светом стол, лицо смотрительницы особняка казалось моложе и красивее, чем тогда, в вестибюле. Коты бродили вокруг стола, напоминая о себе мяуканьем. Не хватало только патефона – вот вам и барская трапеза.

Все это настолько отличалось от Москвы с ее широкими заснеженными проспектами, антикафе и торговыми центрами, что Даша чувствовала себя немного нереально.

– Изумительный борщ, Маргарита Петровна, – сказал Терентьев, опустошив тарелку. – Вам бы шеф-поваром в ресторане работать.

– Скажете тоже, Михаил Юрьевич! Пирожки вот возьмите, есть с картошкой, есть с ливером. И сладкие сейчас принесу, и чаю попьем.

– Так вы, значит, москвичка, Даша? – поинтересовался меценат.

– Не совсем. Родители живут в Королёве, я оттуда. В Москве я училась и квартиру снимала пару лет, чтобы до работы близко было... – Дальше развивать тему было опасно, и потому Даша поспешно поинтересовалась: – Значит, все картины, которые мне нужно будет реставрировать, одного автора?

– Афанасий Юдин, – подтвердил Михаил. Глаза его действительно оказались серыми – яркими, живыми. – Родители его были крепостными у Заболоцких, потом крепостное право отменили, а они все равно остались – говорят, Заболоцкие тех времен были хозяевами не из худших. Маленького Афанасия отправили служить в этот самый дом – подай, принеси... Увидели, что смышленный, решили воспитать из него лакея или же камердинера. Ему было лет восемь, когда он зашел по какому-то делу в покои господских детей, увидел мольберт, кисти и краски... Потом говорил, что сам не понял, как все случилось. Просто рука потянулась к кисточке... Когда его нашли, он рисовал, и рисовал, надо сказать, преотменно. Барин его не наказал, а, наоборот, отдал учиться.

– Юдин всегда писал пейзажи?

– В основном да, – ответил на сей раз Сидоренко. – Но есть несколько картин, где изображены интерьеры этого дома, сценки. Котов вот тоже рисовал не раз, сохранились наброски. В целом, – он вытер губы салфеткой, – большой художественной ценности эти пейзажи не представляют. Однако это часть культурного наследия города, и то, что картины сохранились, пережили войны, конфискацию, заставляет взглянуть на них с уважением.

– А почему их не конфисковали в тридцатых? Или немцы не унесли? – Даша потянулась за пирожком, выбрала тот, что с картошкой, и откусила. Вкуснотища. – Я знаю, что забирали все произведения искусства. И Заболоцкие – что с ними стало? Это они завещали особняк городу?

– Нет, последний владелец, Леонид Росс, – сказал Терентьев. Он еле заметно улыбался: кажется, ему импонировала Дашина любознательность. – Я был с ним знаком, и довольно близко. Он выкупил этот дом десять лет назад у наследника Заболоцких. Те еще во время революции почти полным составом эмигрировали во Францию, но связей тут не утратили, и когда власти начали возвращать конфискованное имущество, наследники заявили права. Доказали,

что особняк их. В тот момент он был в ужасном состоянии, денег, чтобы привести его в порядок, не имелось – только выкупить. Дом простоял закрытым еще несколько лет. Потому его и продали Россу – у того деньги водились. Он владел трикотажной фабрикой и сам выглядел и вел себя как помещик. Интересный был человек.

– И добрый, – вздохнула Маргарита Петровна, водружая на середину стола блюдо с ватрушками.

– Он начал наводить здесь порядок. Вложений это, конечно, потребовало больших... Многие успел сделать. А главное, возвратил коллекцию.

– Она-то как уцелела?

– Это совершенно фантастическая история, – усмехнулся Михаил. – Когда стало понятно, что революция свершилась и надо бежать, Заболоцкие забрали часть коллекции с собой, а часть распределили по верным людям. Что-то осело в подвалах Благовещенского монастыря на той стороне реки, многое забрали по домам слуги. Заболоцких любили и служили им верой и правдой. Когда наследники после перестройки вернулись и выкупили особняк, неожиданно выяснилось, что во многих семьях картины Юдина сохранились. Видите ли, Дарья, Волжанск – город, в котором традиции очень сильны. Так сложилось исторически, культурно... Несколько полотен висело в городском художественном музее, сейчас они переехали сюда. А остальное люди просто отдали. Леонида, надо сказать, эта история потрясла. Он настоял на том, чтобы тем, кто сохранил картины, выплатили щедрую компенсацию, хотя никто ни о чем не просил. Сохранилась опись, которой более ста лет, и, согласно ей, утеряно всего лишь около десяти процентов полотен. Изумительно, правда?

– И практически невероятно, – согласилась Даша. – Тем интереснее будет с ними работать.

Сильвер мякнул у ее ног. Даша, чуть отодвинувшись от стола, подхватила кота и усадила к себе на колени. Не голодают тут коты, ох, не голодают...

Терентьев с сожалением взглянул на часы и поднялся.

– Простите, Маргарита Петровна, чаю мне не наливайте. Пора идти.

– Куда же вы, Михаил Юрьевич?!

– Дела. – Он коротко отсалютовал, снял с оленьих рогов шляпу и лихо водрузил на голову, напомнив Даше неунывающего мафиози из фильма «В джазе только девушки». – Было приятно познакомиться, Дарья. Надеюсь, скоро увидимся.

Глава 3

Проснувшись, Маргарита не заплакала, что бывало очень часто. Она проснулась с предчувствием, что сегодня произойдет что-то, наконец что-то произойдет.

После ухода Терентьева разговор скис, Сидоренко распрощался, и Даша поняла, что ей тоже пора идти. Выйдя на продуваемую ветрами площадь, тяжелой сытой рысцой добежала до гостиницы «Берег» и с трудом открыла тяжелую дверь. В гостинице было тепло, играло радио, за стойкой ресепшн никого не наблюдалось; впрочем, Даше никто и не требовался. Если захочется есть (что вряд ли), круглосуточный супермаркет неподалеку, а чаем ее напоили в особняке.

Номер Даше не очень нравился – узкий, темный, с окном, выходящим во внутренний двор. Поселили ее сюда временно, Сидоренко пообещал найти квартиру. Придется перетерпеть. Даша вылезла из одежды, голышом проследовала в ванную комнату и долго стояла под горячим душем, смывая с себя день. Что бы ни случилось, душ или ванна вечером обязательны – отдать воде плохое, а для себя сохранить хорошее. Сейчас, оставшись в одиночестве, Даша чувствовала, как плохое злобным кусачим змием сворачивается внутри.

Чтобы отодвинуть его, заставить уползти, Даша начала перебирать все приятное, что случилось с ней за день: чай, борщ, коты, картины, Терентьев... Тут мысль немного запнулась. Михаил Юрьевич – надо же, как Лермонтов! – нарисовался перед внутренним взором во всей красе, и теперь уж Даша могла себе признать, что украдкой на него засматривалась. Больно хорош! Как он вообще зародился тут, в Волжанске? Выросшая в Королеве, вскормленная безлактозным московским молоком, Даша, конечно, знала о существовании периферии, ездила на экскурсии, путешествовала с родителями, но нигде подолгу не останавливалась. Бабушек и дедушек с деревенским домом, куда можно было бы определить дитя на лето, у Даши не имелось, а потому провинциальная романтика была ей чужда и вызывала лишь осторожное любопытство. Отправляясь в Волжанск, Даша ожидала, что здесь ее будут окружать люди милые, притом на московских непохожие, – и тут перед нею, как дивное виденье, возник Терентьев. Вот и следуй после этого стереотипам!

Даша не очень понимала, зачем такому, как Михаил Юрьевич, вкладывать деньги в восстановление особняка, который ему даже не принадлежит. О том, что дом – собственность города, Сидоренко предупредил ее в самом начале. Странная штука – меценатство: до сих пор Даша не сталкивалась напрямую с людьми, которые свои кровные заработанные денежки отдают на благо других. Она считала, что отдавать следует от избытка, и хотя иногда жертвовала небольшие суммы на поддержку больных детей или на приюты для животных, всерьез благотворительностью не занималась. Самой бы выплыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.